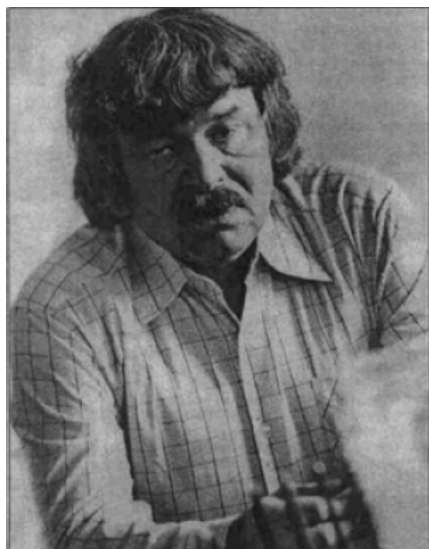

И помнят все о нем

Сегодня Вилю Липатову – 75 лет

"Обь родимая! Плавают на заре тонкие туманы, кукует над тобой, накликая грядущие тысячелетия, кукушка, глядят в тебя осокори с седыми головами мудрецов; ночами ты вздымаешься к небу, пронзенная звездами; чайки над тобой, как белые молнии, небо • сияющая чаша. Обь родимая!"

Таким патриотическим восклицанием венчает Виль Липатов свой роман "И это все о нем", изданный в серии "Мужество", посвященный комсомольцам 70-х годов и получивший первую премию на Всесоюзном литературном конкурсе имени Н. Островского.

Личность Виля Липатова неотделима от нашей области и самого Томска, от сибирской журналистики и литературы. Имена многих его героев, начиная с деревенского детектива Анискина, со страниц книг и с экранов кино прочно вошли в наш обиход. Без них Сибирь уже немыслима. Но сегодня мало уже кто знает, что своим героям (правда, не главным) автор давал имена и фамилии томских газетчиков - своих друзей, этим самым как бы подчеркивая и преданность им, и свое творческое происхождение. Да, он как прозаик вышел из журналистики. Работал в газетах Томска и Асина, куда был "сослан" за не очень здоровый образ жизни и что послужило для него, как ни странно, благом - он вплотную сошелся с деревенскими отелями, землепашцами и лесорубами. Вообще можно сказать, что тайга с ее реками, и прежде всего Обью, стала для него той благодатной стихией, которая дала жизнь всем его книгам.

Но с журналистикой он связь не порывал до последнего дня: работал собкором центральных газет, часто выезжал в спецкоровские командировки, как правило, в Сибирь. Часто бывал в Томске и непременно заходил в редакцию к своим давним друзьям, прежде всего к Борису Бережкову и Иосифу Мизгиреву, Александру Новоселову и Виктории Брындиной, с которыми вместе работал в юности. Газета была для него, если хотите, второй природой.

- Я не знаю, зачем это журналистам рваться в писатели, - с недоумением вопрошал он однажды на редакционной летучке, на которой присутствовал и я. - Ведь газеты, в которых вы печтаетесь, выходят гораздо большими, чем книги, тиражами, причем ежедневно, а не раз в пять-десять лет. Так что не надо лезть в литературу!

Мы не лезли, но глядели на Липатова тоже с недоумением. Ведь говорил он это, сидя за редакторским столом, из-под которого высывались его длинные босые ноги... Туфли он скинул не только потому, что было жарко. Это было знаком открытого пренебрежения к официальной обстановке. И таким он был во всем, непривычно сочетая в себе советско-партийное мировоззрение с непочтением к советско-партийным органам власти и почти хулиганскими выходками. Посвящая книги комсомольцам, он сам же над ними подшучивал. Не думаю, что из-за двуличия, скорее всего, система его художественных образов (а это были почти исключительно работающие, смекалистые и совестливые люди) не сочеталась с

его манерой поведения. Для него было вполне естественным состоянием после напряженной работы расслабляться на полную катушку, чего, кстати, не гнушались и его герои.

Нет, я не был вхож в круг его близких друзей - молод еще был для этого, но за одним столом сиживал... Виль Владимирович не старался собирать возле себя много народу. Но вокруг его личности постоянно кружились легенды и анекдоты, связанные с его похождениями в Томске и Асине, со скандалами в ресторанах и аэропорту. Острый на язык, он нередко сам порождает эти анекдоты и небывлицы, давая ход своим шуткам и экспромтам, которые подхватывались друзьями. Из уст в уста переходил, например, его нецензурный ответ аэропортовской официантке, которая в белоснежной кофточке и с комсомольским значком на груди предложила знаменитому писателю совсем не тот напиток, которого он хотел. Ответ был столь неожиданным, что официантка-комсомолка залилась краской, выронила из рук поднос с тарелками и кинулась прочь... Но Липатов умело заглаживал конфликт. Его проводы на самолет иногда сильно задерживались в Богашеве.

- Если ты не отправишь его сегодня же в Москву, - сурово внушал редактор газеты Б. Бережкову, - то и сам в редакции не показывайся!

Борис Ростиславович то и делал: не показывался, сутками провожая Липатова в Москву...

Можно по-разному относиться и к самому Липатову, и к его творчеству. Но бесспорно, на мой взгляд, то, что и от него, и от его книг веяло живой, настоящей жизнью. Его герои не были высосаны из пальца - их можно было встретить в леспромхозах и колхозах, в лесных поселках и деревнях, на пристанях и в сельских клубах. Покурить с ними, потрогать их руками. Навеки он воспел незаметные подвиги и деревенского милиционера, и леспромхозовского инженера, а вместе с ними - северную тайгу, томское Приобье. И когда бываешь на Оби, то невольно вслед за писателем обращаешься к ней с его чуть ли не молитвенными словами: "Парит над тобой острокрылый баклан, пасутся на твоих лугах тракторы, ходят по лугам женщины и кони... Будь благословенна, Обь родимая!".

Может, за эту трепетную любовь к людям и природе Сибири все мы и помним о нем?!

Александр СОЛОВЬЕВ